

Г.П. КУЗЬМИНА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ
П.Ф. ЛИЛИЕНФЕЛЬДА**

К концу XVIII в. механическое мирозерцание сменяется организмическим. Уже в учениях И. Канта и Ф. Шеллинга появляется определенное противопоставление понятий механизма и организма. Механическая теория отрицала идеи развития и преемственности, а применительно к обществу она, по сути, являлась антиисторической, объясняя природу общества не как результат преемственного развития, а как произвольное установление людей. Органическая теория, напротив, признавала обусловленность настоящего прошлым в общественном развитии, апеллируя при этом к миру органическому.

Идея постоянной изменчивости всех растительных и животных форм на земле, сформулированная в середине XX в. Ч. Дарвином, стала с самого начала продуктивной во всех областях науки, в том числе и в социологии, которая, опираясь на эволюционную теорию, начинает рассматривать общество как нечто постепенно возникающее, постоянно изменяющееся, закономерно развивающееся, что ставило перед ней задачу — открыть законы социального развития.

Другим важнейшим достижением естественнонаучной мысли XIX в. было создание клеточной теории. Открытие клетки как основной единицы в образовании тканей способствовало формированию представлений о структурном и генетическом единстве всего живого. «Только со времени этого открытия, — писал Ф. Энгельс, — стало на твердую почву исследование органических, живых продуктов природы — как сравнительная анатомия и физиология, так и эмбриология. Покров тайны, окутывавший процесс возникновения и роста и структуру организмов, был сорван. Непостижимое до того времени чудо предстало

в виде процесса, происходящего согласно тождественных по существу для всех многоклеточных организмов законов»¹.

Идея, согласно которой общество есть организм, подобный биологическому, была весьма распространена среди социологов-позитивистов. В наиболее полном и законченном виде она выразилась в трудах английского социолога Г. Спенсера, немецкого экономиста А. Шеффле, российского исследователя П. Лилиенфельда, «с именем которых связана одна и та же доктрина, именно органическая теория общества»². Наименее изучена на сегодня социальная философия нашего соотечественника, рассмотрению которой и посвящается данная работа. Но прежде обратимся к некоторым биографическим данным социолога, которые были получены автором статьи в результате работы над архивными материалами³ и справочной литературой⁴.

Павел Федорович фон Лилиенфельд-Тоаль родился 29 января 1829 г. в Белостоке, в семье потомственных дворян. Дворянское звание было пожаловано в 1640 г. его предку Ларсу или Лоренцу Лилиенфельду, о чем свидетельствует шведская дворянская грамота, данная в Стокгольме. Потомки Ларса впоследствии упоминались в числе военных чинов российской армии. Оттон Фридрих фон Лилиенфельд — отец будущего социолога, — прослужив в российской армии 17 лет, вышел в отставку в чине полковника. Из семьи военных была и его мать Констанция, в девичестве д'Овре. В ее родовом имении — селе Губаницах Петергофского уезда — проходили, вполне вероятно, детские годы Лилиенфельда. Образование он получил в Александровском лицее, который окончил с золотой медалью. После окончания учебы Лилиенфельд поступил на государственную службу, где, быстро продвигаясь по служебной лестнице, зани-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.512.

² Спекторский Е. Органическая теория общества. Варшава, 1904. С.1.

³ См.: Центральный государственный архив (С.-Петербург). Ф. 1343, оп.24. д.1980, 1981; ф.1344, оп.315, д.140. Центральный государственный архив Латвии. Ф.640, оп.3, д.121; оп.1, д.2425.

⁴ См.: Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1896 и др.

мал ряд высших государственных должностей: в 1867 г. — вице-губернатор Санкт-Петербурга; в следующем — губернатор Курляндии, каковым оставался в течение восемнадцати лет; а в 1885 г. — сенатор. Занимаясь общественными делами, он особое внимание обращал на развитие народного образования и улучшение крестьянского быта. В связи с тем что Лилиенфельды — фамилия в то время весьма распространенная, П. Лилиенфельд и его супруга обратились в Сенат с просьбой о присоединении к ней названия, принадлежащего им имения, Тоаль. Просьба супругов была удовлетворена. С 1883 г. они и их дети стали именоваться Лилиенфельд-Тоаль.

Имя П.Ф. фон Лилиенфельда-Тоаля — автора многочисленных трудов по социальной философии и социологии — пользовалось широкой известностью в среде ученых-обществоведов России, Германии, Франции и др. Он неоднократно выступал на международных социологических конгрессах с докладами, печатался на страницах Международного журнала по социологии. За свои заслуги избирался коллегами вице-президентом на 1896 г. Международного социологического института и президентом на 1897 г. Международного социологического конгресса. Центральная его работа — «Мысли о социальной науке будущего» (издана в 1872 г. на русском языке). Здесь он делает попытку выявить основания, позволяющие рассматривать социологию, как самостоятельную позитивную науку, осмыслить исторический процесс как часть единого эволюционного процесса. Это произведение в более расширенном объеме (пять томов) печаталось с 1873 по 1881 г. на немецком языке. Из других работ Лилиенфельда можно назвать «Основные начала политической экономии», «Земля и воля», «Органический метод в социологии», «Социальная патология» и др.

П. Лилиенфельд умер в Санкт-Петербурге 11 января 1903 г.

Научная деятельность российского ученого-обществоведа приходится на вторую половину XIX в. Россия этого периода характеризуется рядом событий огромного общественного значения: во-первых, отмена крепостного права; во-вторых, пере-

ход страны на капиталистический путь развития, что резко усиливало социальные противоречия. Пытаясь дать правильный ответ на поставленные жизнью вопросы, Лилиенфельд стремится подвести твердую научную основу под начавшиеся в отечестве реформы и перенести в область науки те политические и социальные проблемы, которые тревожили его современников в связи с наступающими в обществе переменами.

В сфере социальной науки наибольшее распространение в этот период как на Западе, так и в России получают естественнонаучные воззрения. Например, открытие клетки как органической единицы всего живого, как компонента многоклеточного организма послужило для Лилиенфельда отправной точкой для представления об обществе как единстве множества частей, неразрывно связанных между собой. Ученый стремился доказать, что общество есть реальный организм, развивающийся по тем же законам, что и всякий природный организм. А для этого он предлагал «включить в ряд органических существ и само человеческое общество как организм, стоящий в развитии своем на столько же выше человеческого организма, на сколько сей последний возвышается над всеми прочими организмами природы. Только под этим условием социальная наука может получить реальное основание подобно естествознанию; только под этим условием человеческое общество, как реальный организм, может быть признан неразрывной частью единства; только под этим условием социальная наука из догматической делается положительной»⁵.

Первоначально возможность исследовать социальные процессы с точки зрения биологии базировалась на основе внешнего сходства исследуемых объектов. Такой подход в социологии был характерен для вульгарных материалистов. Опираясь на новейшие открытия в области естествознания, Лилиенфельд поставил вопрос о том, что аналогия между биологическим и со-

---

⁵ Лилиенфельд-Тоаль П.Ф. Мысли о социальной науке будущего. СПб. 1872 Т.1. С. 25-26.

циальным уровнями развития живого не может базироваться на внешнем сходстве и «мы напрасно бы искали в человеческом обществе рук, ног, глаз и других органов, сложившихся в отдельных живых организмах постепенным взаимодействием между последовательным рядом организмов и окружающей средой»⁶. Необходимо, считает он, найти в природном организме, уже исследованном биологией, такие структурные свойства, которые имеют место и в социальном, несмотря на большую сложность его организации. Им резко критиковались те исследователи, которые пытались строить свои доказательства на внешних, поверхностных сходствах между явлениями социального и органического мира. «Для того чтобы не впасть в крайность, — утверждал Лилиенфельд, — мы не должны, с одной стороны, представлять себе человеческое общество существом, наружно похожим на тот или другой организм природы, снабженным тем или другим внешним органом растений или животных. (Так Блюнчли находит аналогию между нюхательными органами животного организма и министерством иностранных дел. Один экономист вообразил себе даже, что нашел пупок общественного организма.) Но, с другой стороны, мы не должны вдаваться ни в какие беспочвенные метафизические умозрения (произведением божественной воли Шталь, свободной воли самого человека Руссо, Кант, Фихте, Гегель)»⁷. П. Лилиенфельд критикует здесь не только тех исследователей, которые с вульгарно-материалистических позиций толкуют процессы, происходящие в социальной жизни, но и тех, кто пытается объяснить их с «абстрактно-метафизических», идеалистических позиций.

Строя свою аргументацию тождества между социальным и биологическим организмами, он рассматривает энергию, силу как первооснову всего сущего. Причем полагая, в духе позитивизма, что познание бессильно выявить сущность этого явления,

---

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Там же. С.93.

ибо это относится к области метафизики, а социология, как положительная наука, не должна вдаваться ни в какие метафизические рассуждения. Согласно социологу, «нам нужно прежде всего убедить себя в том, что аналогия между человеческим обществом и природою заключается не во внешних признаках и случайных формах, а во взаимодействии сил, взаимодействии столь же реальном, как и проявления сил органической и неорганической природы, и что идеальное начало в обществе есть лишь движущая сила, подобно всем прочим силам природы. В отыскании этой двойной реальной и идеальной аналогии именно и заключается задача науки»⁸.

Понятие энергии в лилиенфельдовой социально-философской системе занимает центральное место. Вещество и сила — это, по Лилиенфельду, противоположные стороны единого целого — энергии, которая проявляется в стремлении к сосредоточению, что соответствует веществу и разграничению, что соответствует силе. «Вещество без силы и сила без вещества для нас также немислимы, — писал он, — как утверждение без отрицания. Точно так же и в области социальной собственность, право, власть не что иное, как свобода, сосредоточивающаяся в известных формах, свойствах, положениях, а с другой стороны, свобода есть не что иное, как действующая наружу собственность, право, власть»⁹. Другими словами, собственность, право, власть проявляются в форме естественных и промышленных богатств, прав личных и общественных и, наконец, государственной власти, а свобода проявляется в действиях индивидуальных и коллективных, например, выражение человеческой мысли словом или делом в жизни или науке и пр.

Энергетизм, как философско-методологическая основа социального учения, с необходимостью приводит П. Лилиенфельда к заключению, что для всякого тела (неорганического, органического, социального) характерно наличие трех существенных

---

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 99.

сторон: физиологической, проявляющейся в виде химического сложения и разложения, обуславливаемых окружающей средой; морфологической, представляющей собой различные внешние и внутренние сложения и разложения частиц; индивидуальной, выступающей в виде более или менее определенных внешних очертаниях и внутреннего сосредоточения частиц к одному общему центру. Именно поэтому, полагает он, «для признания за человеческим обществом свойства реальности нет необходимости отыскивать в нем каких-либо специальных органов или чувств, которые соответствовали бы тому или другому органу или чувству в растении, животном или человеке. Для этого необходимо только, чтобы существовала реальная аналогия между существенными свойствами общества и всех вообще тел природы, и эта существенная реальная аналогия именно и заключается в гомологичности между экономической, юридической и политической сторонами человеческого общества, с одной стороны, и физиологической, морфологической и индивидуальной сторонами органической жизни, с другой стороны, соответствующими, в свою очередь, механико-химической, формальной и неорганически-индивидуальной стороне в неорганической природе»¹⁰.

Гомологичность между обществом и биологическим организмом исследователь усматривает и в том, что каждый из них, будучи живым организмом, рождается, развивается, умирает. «Всякий социальный организм, — считает он, — представляет собою многоклеточное органическое существо, растущее вследствие размножения индивидов внутри организма и выделяющее их в случае перерастания за известные пределы. Это выделение происходит или в виде простого выселения части членов общества, или в виде основания новых колоний»¹¹. Далее, как в органической природе, так и в обществе, по его мнению, вполне гомологично происходит чередование поколений с той лишь раз-

---

¹⁰ Там же. С. 125-126.

¹¹ Там же. С.161.

ницей, что в последнем этот процесс сложнее в силу большей долговечности социального организма. При этом он обращает внимание не только на долговечность как отличительную особенность социального организма, но и на специфическое проявление энергий в последнем, подвижность и независимость элементов, составляющих общество, наличие «косвенных» рефлексов, обуславливаемых не прямыми контактами со средой, а косвенными, как-то: слова произведения искусства и т.п.

Указанные отличительные черты организмов природы и общества приводятся им, на наш взгляд, лишь с одной целью — сделать аналогию между социальным и природным организмами более убедительной. П. Лилиенфельд в принципе прав, усматривая между ними черты сходства и различия. Конечно, люди, человеческое общество являются составной частью материального мира, законы которого объективны. Многие принципы организации и механизмы отбора, которые определяют течение процессов на всех уровнях организации живой и неживой природы, сохраняют свою силу и для человеческого общества. Но все дело в том, что то сходство, которое он считает основным и решающим, в действительности таковым не является; как и то различие, которое он усматривает между ними, — чисто внешнего и количественного порядка, а не качественного. Социолог не учитывает того, что в жизнь людей включены новые элементы, как-то: орудия труда, предмет труда и порожденные ими новые закономерности функционирования и развития общества.

Все явления в мире, по Лилиенфельду, обуславливаются причинностью и целесообразностью, причем эти категории он употребляет в натуралистическом плане, усматривая в них направленность энергии. В неорганической природе преобладает причинность. На этом уровне проявление сил является слепым, неразумным. Действие органических сил заключается в том, что каждый организм живет и действует для себя, используя силы природы в своих целях и развивая собственные силы соответственно общей цели. В растениях они проявляются в ви-

де бессознательного стремления к сохранению вида, у животных — в форме инстинкта, у человека — в виде разумной воли, а в человеческом обществе — свободы. А так как высший организм представляет собой все фазы предшествующего развития, то в высших, включает ученый, имеют место и сохранение вида, и проявление инстинкта, и свободная воля.

Переход из природы неорганической в органическую, а также переход от органической природы к обществу, по мнению Лилиенфельда, происходит постепенно. Отсюда им делается вывод, что установить границу между обществом и природой невозможно. Объяснение перехода от неорганической природы в органическую и далее к обществу он усматривает в дифференциации и интеграции энергии. В частности, он отмечает: «Так как и в природе и в человеческом обществе более высокое и более разнообразное развилось из более простого и более низкого, то социальные мотивы, раздражения в животной и растительной среде, химические, физические и механические силы являются только различным выражением одного и того же: все более расчленяющейся и объединяющейся энергии»¹². Поскольку «энергия» и «сила» — это разные понятия, то он пытается дать свое понимание проявления силы в природе человека. Человек, полагает Лилиенфельд, составляет предмет социальной науки настолько, насколько проявляются наружу во времени и пространстве его физические и духовные силы. Духовное начало проявляется как стремление к цели, а физическое — как путь ее достижения, как внешнее выражение силы. Все явления как природные, так и социальные — результат не абсолютных начал, а различных отношений сил, действующих друг на друга. Такие понятия, как «сила», «целесообразность», «свобода» и др., рассматриваются им как совокупность различных отношений, и только в этом смысле они, по его мнению, являются общими понятиями, доступными нашему пониманию.

Ссылаясь на Ч. Дарвина, который усматривал отличие между высшими позвоночными и человеком в степени развития,

---

¹² Там же. С. 56-57.

П. Лилиенфельд добавляет: «Путь, которым человек достиг подобных результатов, заключается в социальной жизни»¹³. В отличие от животных, человек, согласно социологу, существо социальное и «подобно тому, как вообще организмы природы представляют собой результат дифференциации и интеграции сил под влиянием окружающей физической среды, точно так же высшие нервные органы человека составляют результат дифференцирования и интегрирования тех же сил под влиянием общества»¹⁴. Ставя социальную жизнь в зависимость от природного субстрата Лилиенфельд в то же время механически сводит социальный уровень развития живого к биологическому, игнорируя качественную особенность высших ступеней развития в сравнении с низшими. Сведение закономерностей возникновения, функционирования и развития биологического целого к законам физики и химии — характерная черта механицизма, сыгравшего в решении проблемы целостности в биологии известную положительную роль. Представители механистического материализма изгоняли из мира растений и животных сверхъестественные силы, стремясь объяснить специфику живого действиями естественных, природных сил. Однако во второй половине XIX в. механистический материализм в биологии явно начинает обнуживать свою ограниченность, по существу смыкаясь с витализмом. Глубокое проникновение физико-химических методов в биологию и их абсолютизация является гносеологической причиной механицизма этого рода, который в конечном счете сказался на приемах и способах исследования объектов, изучаемых социологией. В рамках органического направления она все же оставалась ничем иным, как частной теорией жизни, о чем свидетельствует использование ею не только методов биологии в рассмотрении социальных процессов, но и языка.

Следует отметить, что теория Лилиенфельда изобилует естественнонаучной терминологией, что усложняет восприятие его работ. Наряду с использованием биологических понятий (ре-

---

¹³ Там же. С. 216-217.

¹⁴ Там же.

флекс, раздражение и т.д.) он вводит в социальную науку такие, как «прямой рефлекс», «косвенный рефлекс», «психофизическая энергия» и пр. Некоторые из вводимых им понятий верно отражают специфику человека, а часть понятий — крайне неопределенна. Анализ лилиенфельдовой концепции, несмотря на сложный и наукообразный стиль ее изложения, позволяет понять действительную сущность его социальной позиции: обоснование незыблемости существующего порядка, оправдание социального неравенства и пр. Такая позиция приводит его не только к необходимости признать действия самодержавия в решении сложных социально-экономических проблем, стоящих перед Россией второй половины XIX в., справедливыми и исторически оправданными, но и рассматривать свое учение как средство, позволяющее избежать как в настоящем, так и в будущем социальных потрясений и бедствий.

Опираясь на данные естественнонаучных дисциплин, Лилиенфельд последовательно проводит аналогию между обществом и природным организмом, считая, что социальный организм «обуславливается одними и теми же существенными сторонами развития, как и жизнь всех прочих организмов, т.е. питанием, формой и единством жизни, и это не в идеальном значении, а в вполне реальном виде»¹⁵. Все явления природы, как уже было отмечено ранее, он делит на три подсистемы, каждая из которых обладает специфической функцией, например физиологическая функция — ее цель питание, в обществе ей соответствует экономическая, предполагающая приращение собственности наряду с развитием экономической свободы; морфологическая функция раскрывает внутренний и внешний строй и склад организма и ей соответствует юридическая, способствующая точному определению прав индивида в обществе; индивидуальная, представляющая результат единства органической жизни (особь, индивид, общество), модифицируется в политическую, которая устанавливает единство действий всех клеток индивидов посредством подчинения одних другим.

---

¹⁵ Там же. С. 96.

Социолог в объяснении социальных явлений часто прибегает к использованию структурно-генетической аналогии как методу, позволяющему выявить происхождение и совокупность системообразующих связей исследуемого объекта. Этот же метод он использует для описания процесса взаимодействия между клетками индивидуального организма и клетками-индивидами в человеческой ассоциации. Человек, по мнению ученого, является наипростейшим клеточным элементом социального организма. Органы нервной системы людей являются результатом психофизического обмена энергии, происходящего в обществе на протяжении всего доисторического и исторического развития. Каждый индивид же ребенком вступает в более высокую общественную формацию с уже готовыми, унаследованными от предков задатками, аналогично процессам, происходящим с отдельной клеткой, которая рождается внутри многоклеточного организма и тоже несет в себе унаследованные задатки. Как биологические, так и социальные клетки, согласно социологу, приспособляются к окружающей среде, к которой они принадлежат, вступают с ней во взаимодействие, «если сравнивать взаимодействие личностей в общественном организме с жизненными процессами, происходящими в нашем теле, то будет видно, что они аналогичны прежде всего взаимодействию клеток в нервной системе и особенно в ее высших органах, которые являются материальными носителями индивидуальных чувств, мыслей и желаний»¹⁶.

Таким образом, общество, по Лилиенфельду, представляет сложную органическую систему, состоящую из нервных клеток, интегрированных в следующие подсистемы: семья, род, племя, народ, раса. Это то, что он называет живой тканью общества. Кроме этого, в обществе имеет место все то, что людьми в процессе совместного общежития создается и входит в состав общества в виде неодушевленного материала — это социальное

---

¹⁶ Lilienfeld P. Zur Vertheidigung der organischen Methode der Sociologie. Berlin, 1898. S.18.

межклеточное вещество, как-то: дома, железные дороги, деньги, произведения искусств и пр. К межклеточному социальному веществу он относит и землю, воду, атмосферу, физическую среду в целом, в которой распределены и перемещаются отдельные элементы общественного организма. Социальное межклеточное вещество он рассматривает со всех сторон даже более детально, чем живую часть общества.

Любой состоящий из материальных ценностей капитал, полагает исследователь, как часть межклеточной социальной субстанции является «мертвым» до тех пор, пока содержащаяся в нем энергия не будет «ассимилирована» людьми. Человек, как и общество в целом, неразрывно связан с природой, и эта связь, по мнению Лиленфельда, обуславливается необходимостью удовлетворять свои физические потребности посредством материальных благ. Наряду с выделением клеток-индивидов как элементов живого организма и межклеточного вещества Лиленфельд делает попытку объяснить с позиций органической теории характер связей между людьми в обществе. Он полагает, что законы природы и общества однородны в том смысле, что те и другие выражают естественные и необходимые связи между реальными явлениями, однако их действие на различных уровнях (неорганическом, органическом, социальном) неодинаково. Во втором томе «Мыслей о социальной науке будущего» он писал: «Верный для всей природы закон вытеснения и исчезновения промежуточных звеньев эволюционного ряда под воздействием борьбы за существование обуславливает разграничение явлений природы на неорганические и органические тела; первые — на простые и сложные, твердые, жидкие, газообразные; вторые — на роды и виды растений, животных и людей. Наконец, этот же закон обуславливает и в социальной сфере разграничение на семьи, племена, народности, национальности и т.д.»¹⁷

---

¹⁷ Liilienfeld P. Gedanken fiber die Societwissenschaft der Zukunft. Mitau- Hanburg, 1873-1881, Vol. II. S.53.

Единой основой многообразия сил природы, по мнению российского социолога, остается механическое движение, хотя на уровне неорганическом имеет место химическое, физическое движение, на органическом — биологическое и социальное. Поэтапное повышение сил природы на различных ступенях иерархической лестницы объясняет, по Лилиенфельду, единство общественного организма с биологическим. Отличие между ними он усматривает лишь в характере взаимодействия сил. Если в неорганической природе господствует причинность в виде механического, физического, химического взаимодействий, то в органической она выступает в виде раздражения у растений и простейших живых существ; у животных с достаточно развитой нервной системой в виде ощущения; у человека — мышления, а в обществе причинность выступает в виде целесообразности, разумности, свободы, которые, в свою очередь, являются, согласно мыслителю, ничем иным, как возведением в степень сил природы. Это взаимопревращение причинности в целесообразность, необходимости в свободу происходит, по мнению Лилиенфельда, в иерархическом порядке, постепенно, не нарушая единства целого и «придумывать для человеческого общества какое-либо другое начало причинности и целесообразности, чем то, которое пронизывает всю природу, значит, отрицать или не сознавать той неразрывной связи, которая соединяет в одно целое все существующее, значит, без всякой причины усложнять формулу бытия, тогда как одним из основных начал единства именно следует признать достижение наибольшего разнообразия самыми простыми средствами»¹⁸. Рассматривая поэтапное повышение сил и их взаимодействие как всеобщую закономерность бытия, он с их помощью пытается объяснить общее происхождение и родство всех сил.

Центральное место в его концепции отводится закону «тройного параллелизма» или, как он его еще называет, закон

---

¹⁸ Лилиенфельд-Тоаль П. Ф. Мысли о социальной науке будущего. СПб., 1872. Т.1. С.46.

«единства последовательности, связи и перехода». Лилиенфельд считает его наиболее важным потому, что в этом законе фиксируются в концентрированном виде все вышеизложенные законы. При этом он не выходит за рамки методологических установок позитивизма, замечая, что на основе этого закона не объясняется суть вещей, так как она непостижима, а только выявляются отношения между ними и генетическая взаимосвязь. Закон «тройного параллелизма» он применяет и к общественному организму в целом, и к отдельным его сферам. Этот закон аналогичен геккелевскому закону тройного согласования палеонтологического, бионтологического и систематического развития. Первая параллель, согласно закону «тройного согласования», объясняет, что в одно и то же время на земле функционируют, с одной стороны, человеческий род и высокоразвитые животные (шире — органический мир и неорганическая природа, еще шире — общество и вся остальная природа), а с другой стороны, развитые цивилизованные народы — с народами, племенами и расами, находящимися еще на ступени первобытного развития, варварства и дикости, и, наконец, внутри одной человеческой ассоциации взаимодействуют индивиды с разным уровнем духовного, эстетического и физического развития.

Вторая параллель указывает на функциональное взаимодействие в обществе как системе различных подсистем, частей, элементов, занимающих различное положение в иерархии. Социальный организм, согласно социологу, не может существовать без межклеточного вещества так же, как и без клеток-индивидов, составляющих нервную систему, без политической сферы так же, как без юридической и экономической, без средней величины предприятий так же, как без мелких и крупных, без общественных деятелей, промышленников, ученых так же, как и без крестьян, рабочих и т.д. Связь этой параллели с первой состоит в том, что следующие друг за другом во времени структурные образования в обществе, находящемся на определенном уровне развития, располагаются в иерархическом порядке. Функциональное взаимодействие рассматривается им как ре-

зультат биологического закона дивергенции, основанного, в свою очередь, на законах приспособления к среде и наследственности. В обществе этот закон дивергенции проявляется в разделении труда и вытекающем из него различии физических, моральных и интеллектуальных свойств индивидов.

Исходя из признания единства сил природы, Лилиенфельд не останавливается на рассмотрении частных или общих законов как таковых, а пытается найти ту связующую нить, которая предусматривала бы решение проблемы социального и биологического в рамках структурно-генетического подхода к явлениям как низшего, так и высшего порядка. Однако указывая на однородность законов природы и общества, он, с одной стороны, не смог выявить Специфику последних, с другой стороны, обратил внимание на их объективность, независимость от чьей бы то ни было воли, будь то «разумно-свободная» воля человека или высшего существа, что, безусловно, имело положительный смысл в интерпретации процесса социальных изменений.

Подобно английскому социологу Г. Спенсеру, Лилиенфельд стоит на позициях социального эволюционизма, суть которого сводится к попытке осмысления исторического процесса как части общего процесса эволюции Космоса. В основе эволюции, по мнению российского исследователя, лежит интенсивная интеграция видов энергии, идущая наряду со все более специализированной их дифференциацией. По Лилиенфельду, социальная система согласно закону эволюции вообще возрастает в массе и в движении, т. е. экстенсивной интенсивно.

Критерием общественного прогресса, полагает он, служит разнообразие целей и, вследствие постоянно подчеркиваемого высшего характера социальной системы, преобладание духовного фактора, целесообразности над причинностью и необходимостью. «Чем выше стоит то или иное общество в сравнении с другими обществами, — пишет он, — тем целесообразнее и разумнее его развитие, тем борьба, обуславливающая его развитие, совершается при меньшей трате сил, тем разумнее и выше

цели, к коим стремится общество»¹⁹. Цели становятся все более нравственными, хотя содержание нравственности более точно им не определяется.

П. Лиленфельд оценивает прогресс с точки зрения функциональной организации объекта, отождествляя его с усложнением форм развития. В этом смысле о прогрессе можно говорить как в отношении неживой и живой природы, так и в отношении человеческого общества. Если в неорганической природе прогресс состоит в усложнении форм организации, ведущих к появлению жизни, а в органической — в усложнении взаимоотношения организмов со средой, то в обществе — в большей интеграции и дифференциации нервной системы индивидуума, с одной стороны, и нервной системы социального организма, с другой. Общество представляет собой, согласно социологу, не только высшую ступень развития всей природы, но и высшую степень развития нервной системы, еще более совершенной, чем у отдельного человека. Он вводит в общество не всего человека с физическими свойствами, а исключительно с его нервной системой и сообразно с этим рассматривает социальный организм, как совокупность нервных клеток, соединенных в нервную систему. Он признает, что общественный прогресс имеет объективный, закономерный характер, но наряду с этим допускает и внутренний прогресс индивидов, оказывающий влияние на прогрессивное развитие общества в целом.

Для человеческого общества, полагает он, как и для животных сообществ, прогресс состоит в дифференциации функций между его членами. Чем разнообразнее функции, выполняемые людьми в обществе, тем оно выше, развитее; наряду с этим прогресс заключается и в растущем единстве целей и действий, составляющих социум, индивидов. По мнению социолога, прогресс человечества обуславливается прежде всего большей дифференциацией и интеграцией нервных систем индивидов с нервной системой социального организма. Обе эти системы вза-

---

¹⁹ Там же. С. 86.

имно дополняют друг друга в своем поступательном движении, целью которого является увеличение капитала психофизической энергии общества и индивидов, а средством — рост свободы индивидов и порядка в общественной системе, потому что «характерной чертой прогрессивной эволюции является не только концентрация власти, но и рост свободы. Когда же власть деформируется в деспотизм, а свобода подавляется, различные элементы иерархической структуры социального организма будут неуравновешены, что с неизбежностью приведет к стрессу, результатом которого станут патологические нарушения»²⁰. Поэтому упрочение существующего общественного порядка, наряду с ростом свободы, по Лилиенфельду, является идеалом прогрессивного развития любого общества.

Постоянный прогресс, отмечает он, это состояние, к которому должно стремиться человечество, оно должно заключаться в высшей степени развития индивидуальной свободы и в уважении законов своих соотечественников и равенстве перед ними всех граждан. Правда, в истории, констатирует он, должное и действительное совпадают не всегда, в частности, у народов, стоящих на низкой ступени развития культуры, можно наблюдать эти черты, тогда как у цивилизованных народов, живущих иллюзией, что их общество развивается прогрессивно, наблюдаются резкие социальные противоречия, свидетельствующие об ограничении индивидуальных свобод и нарушении правовых норм. Конечно, считает он, специализация функциональных частей общественного организма служит прогрессивному накоплению духовных и физических энергий человечества, но в отрыве от роста согласованности взаимодействующих индивидов она может вызвать и негативные, регрессивные последствия.

II. Лилиенфельд видит главный фактор общественного развития не в разделении труда, как Спенсер например, а в наличии двух противоположных принципов — индивидуальности и солидарности, которые, дополняя друг друга, являются важнейшей

---

²⁰ Lilienfeld P. La pathologie Sociale. Paris, 1896. P. 164.

пружиной развития любого общества. Его идеал общественного устройства — установление гармонии, равновесия внутри социальной системы. Эта мысль не означает, однако, что он умаляет значимость дарвиновского закона борьбы за существование, который, по мнению социолога, есть необходимое условие развития как природы, так и общества. Только в силу специфики общественного развития борьба за существование теряет здесь свой истребительский и антигуманный характер. Любопытно, что Лилиенфельд, как и Спенсер, отстаивая идею естественной эволюции общества, приходит к прямо противоположному выводу. Если Спенсер, считая индивидуальность наиважнейшим принципом развития общества, доводил его до логического конца, выступая против помощи сирым и бедным, то Лилиенфельд, как уже было отмечено, основу общественной жизни видел в единстве индивидуальности и солидарности, усматривая в христианском милосердии способ разрешения всех социальных противоречий.

Следует также отметить, что по вопросу о значимости борьбы за существование в жизни общества российский ученый был противником и социальной дарвинизма, и мальтузианства, провозглашавших ее решающим фактором развития всей органической природы, в том числе и общества. Критикуя Мальтуса, Лилиенфельд утверждал, что рост народонаселения зависит в первую очередь не от средств к существованию, а от психических и физиологических энергий самих людей. Это утверждение им иллюстрируется следующим примером: «Инертная, неспособная управлять своими желаниями масса может умереть от лишений на земле, которая будет обильно кормить индустриализованное, предусмотрительное и организованное население»²¹. Отсюда условием роста и благосостояния народа, по Лилиенфельду, является повышение уровня психических и физиологических энергий в борьбе за существование, а в силу этого повышения, как отмечалось ранее, характер борьбы в обществе меня-

---

²¹ Ibid. P. 263.

ется, приобретая альтруистическую направленность. Если Мальтус считал, что «главная и непрерывная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имуществ»²², то Лилиенфельд доказывал, что причина бедности зависит от патологического состояния окружающей социальной среды. Например, моральный фактор, как-то разрушение инстинкта материнства, чувства ответственности у мужчин, нарушает принцип семейной жизни, что может привести к снижению роста рождаемости и даже деградации расы; физический фактор — всевозможные неравные браки, тоже ведут к разным аномалиям. По его мнению, аномалии, возникающие в обществе, связаны с потерей гармонии, равновесия одного или нескольких физических или моральных факторов, ослабляющих в конечном счете равновесие социальной системы в целом.

Поскольку общество, как система, согласно социологу, состоит из трех подсистем: экономической, юридической и политической, в которых также имеет место интенсивная интеграция социальных энергий в сочетании с возрастающей специализированной их дифференциацией, то общественный прогресс он связывает с развитием каждой из них. В сфере экономической интеграция выражается в увеличении собственности, концентрации производства, в юридической — во все большей регламентации жизни общества путем расширения и совершенствования законодательства, в политической — в усилении власти на различных ступенях иерархической лестницы, а дифференциация выражается в виде расширения свобод: экономической, юридической, политической. Подобная формула, по его мнению, наиболее близко передает аналогию действия социальных сил внутри человеческого общества с действием органических сил живых организмов и особенно человеческого, как наиболее совершенного из них. Более того, приведенная формула, по Лилиенфельду, соответствует одновременно двум основополагаю-

---

²² Мальтус. Опыт о законе народонаселения. М., 1868. Т.1. С.472.

щим принципам, «проявления которых составляют мир явлений во всей его совокупности и бесконечном разнообразии: во-первых, это принцип концентрации, который мы назвали материей, во-вторых, это принцип действия, который мы назвали силой»²³. Чем выше и сложнее организация форм в природе, тем совершеннее развитие, полагает он, тем более прогресса.

Рассматривая прогрессивную эволюцию под углом зрения структурно-генетического повышения сил природы, социолог и такие понятия, как «собственность», «право», «власть», «свобода», пытается представить, оставаясь на позициях естественнонаучного их объяснения. Отсюда собственность, право, власть соответствуют у него материи, а свобода— энергии. Прогресс он представляет как накопление сил для последующего плавного перехода на новую, более высокую ступень. Кроме того, в социальной системе прогрессивная эволюция предполагает как внутреннее совершенствование человека, этой первичной единицы социума, так и совершенствование социума, который как среда обитания человека в свою очередь воздействует на развитие индивида. Если социальная среда образует и воспитывает человека, направляя его интеллектуальные, нравственные, эстетические стремления к той или иной цели, то человек и народ в целом, воспринимая и усваивая интеллектуальные, нравственные, эстетические идеи и чувства, перерабатывает их согласно своим внутренним устремлениям. Отсюда основой совершенствования как человека, так и общества является, по Лиленфельду, наука, искусство, религия. Следует отметить и то, что непреложным условием прогресса он считал одновременное развитие в обществе трех сфер: экономической, юридической, политической.

Подводя итог нашего исследования социальных воззрений российского социолога, следует отметить, что его теоретические построения своим истоком имеют достижения естествознания середины и второй половины XIX в. Большое влияние на его

---

²³ Lilienfeld. P. La pathologie Sociale. Paris, 1896. P.92.

мировоззрение оказали и работы представителей западного позитивизма, в первую очередь О. Конта. Будучи убежденным позитивистом, Лилиенфельд сосредоточил свое внимание на рассмотрении следующих вопросов: утверждение социологии в качестве самостоятельной науки, выявление ее методов и принципов, а также проблем, связанных с социальной динамикой (эволюция, прогресс) и социальной статикой (социальная структура).

В качестве обобщающей идеи, которая выражает основные принципы лилиенфельдовой теории и методологии, выступает идея о том, что общество есть реальный организм, развивающийся по тем же законам, что и всякий природный организм. Эта мысль заставляет Лилиенфельда искать аналогии между обществом и биологическим организмом, причем реальность социального бытия, по его мнению, обуславливается не внешним сходством с биологическим организмом, а единством происхождения, сходством строения и функционирования. Иначе говоря, свою задачу ученый видит в том, чтобы, во-первых, в природном организме, уже исследованном биологией, найти такие структурные свойства, которые имеют место и в социальном организме, во-вторых, выявить основания, позволяющие включить общество в единый глобальный эволюционный процесс, в-третьих, основываясь на эмпирических наблюдениях и руководствуясь органическим методом в исследовании многообразия культурно-исторических явлений, свести их к единому генетическому ряду.

Оценивая эти исходные положения Лилиенфельда, необходимо заметить:

— общество развивается по особым законам, отличным от законов функционирования сообществ животных. Главное отличие состоит в том, что люди не просто совместно изменяют природу на уровне предметной деятельности (это имеет место и у животных), а качественно преобразуют ее в ходе производственной деятельности. Можно сказать, что сообщество человеческих индивидов, как и сообщество животных, функционирует

по определенным законам, часть которых являются общими (тождественными), например, разделение функций в сообществе; другая часть — присуща лишь человеческому сообществу. Особенность законов функционирования и развития человеческого сообщества обусловлена особым способом взаимодействия людей с внешним миром. Этими законами являются законы экономических отношений, правовые, нравственные принципы и др. Своеобразие этих законов человеческого сообщества понять до конца Лилиенфельд так и не смог;

— воздействие человека на материальную среду, по Лилиенфельду, опосредовано экономическими факторами и элементами человеческой культуры. И в этом он видит одно из главных отличий общества от биологического организма. Бесспорно, основой взаимодействия человека с природной средой и второй природой, т.е. продуктами материальной деятельности, является рефлекторная деятельность. Однако сводить социальные (экономические, политические и др.) отношения, а также элементы культуры (письменность и пр.) к каким-то косвенным рефлексам есть упрощенное, редуccionистское толкование сущности социальной жизни людей. Иначе говоря, социолог, раскрывая механизм взаимодействия индивидов в обществе, явно упрощает характер социальных связей, низводя их до уровня рефлекторных действий;

— согласно Лилиенфельду, в ходе психофизического взаимодействия, накопленная в каждом индивидууме энергия под действием того или иного раздражения уменьшается или увеличивается. Получается, что увеличение или уменьшение энергии в индивидууме зависит от взаимодействия или раздражения. Здесь мы имеем дело с тем, что он, находясь на позициях энергетизма, прогрессивное развитие общества сводит к возвышению сил, энергий. Получается, что развитие реальных общественных феноменов социолог видит в развитии видов энергий.

Обобщая сказанное выше, следует обратить внимание и на то, что в социальной концепции Лилиенфельда поставлено много проблем, для решения которых во второй половине XIX в. не

было необходимых предпосылок. Наряду с этим им был внесен значительный вклад в развитие российской социально-философской мысли. Его идеи в стране, где были сильны традиции клерикализма, не могли пользоваться большим успехом, но русский позитивизм в целом послужил основой для критики господствующих в то время объективно-идеалистических воззрений на мир и общество как его часть.